

А.А. Калмыков

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА

В статье говорится о появлении новой политической силы – интернет-сообществ, оказывающих на политические процессы возрастающее влияние. Представлена классификация политических акторов на основании различия открытых–закрытых и вертикальных–горизонтальных организованностей. Это открывает возможность учитывать коммуникативные факторы возможных социальных потрясений и трансформаций.

Ключевые слова: политические акторы, социальные сети, открытые–закрытые и вертикальные–горизонтальные политические структуры.

Политический ландшафт XXI века дополнился новой силой – горизонтальной открытой структурой, формирующейся в информационно-коммуникативном пространстве. Причем оказалось возможным не только ввести различия политических акторов по основаниям вертикальные–горизонтальные и открытые–закрытые, но и доказать, что они находятся в системном противоречии друг с другом. Последнее обстоятельство заставляет учитывать коммуникативные факторы возможных социальных потрясений и трансформаций. Иными словами, можно констатировать рождение открытой и горизонтальной четвертой политической силы, уходящей от традиционной культуры древа к постмодернистской культуре ризомы¹.

Недавно стало известно, что США намерены создать так называемый «теневого Интернет»² в помощь иностранным диссидентам. Иными словами, запланировано создание системы, которая будет обеспечивать возможность доступа в Сеть в тех странах, где власти контролируют и при желании отключают Интернет и сотовую связь.

Речь идет о мобильном устройстве, которое можно будет переправить через границу какого-либо государства и быстро настроить там беспроводную связь, способную, в частности, обеспечить попадание во Всемирную сеть, обеспечивая таким образом координацию действий оппозиций. По данным *The New York Times*, на эти разработки уже выделен государственный грант в два миллиона долларов.

Вероятно, эта идея связана с тем, что эффективность подобной координации оппозиции с помощью интернет-технологий блестяще была продемонстрирована вначале на Манежной площади в Москве, а затем, уже в полном масштабе, во время так называемой арабской весны в странах Северной Африки.

Подобный опыт у США имеется, в частности они создали телефонную сеть в Афганистане, которую не смогли бы отключать талибы, поскольку трансляторы были расположены на территории военных баз. Впрочем, в данном случае речь идет о другой технологической базе. И дело вовсе не в технологии.

Вероятно также, что именно в связи с «фэйсбукowymi революциями» Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил ввести в международное право понятие «электронного суверенитета» государства. Это понятие предполагает легитимность не только территориальных границ, но и электронных. Как заявил Назарбаев 15 июня на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), «сетевой деструктив» можно поставить в один ряд с такими угрозами, как терроризм, сепаратизм, экстремизм и глобальный наркотрафик.

Более сдержанно выступил по этому поводу Президент России Дмитрий Медведев. Он сказал, что ШОС намерена представить на рассмотрение ООН проект правил поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности³.

Важно отметить, что инициатива США и инициатива ШОС совмещены по времени. Они появились после того, как интернет-коммуникации проявили себя в качестве значимого политического ресурса.

Политики стали относиться к Интернету всерьез, однако пока не до конца поняли, с чем столкнулись на самом деле.

Государственный департамент США увидел в Интернете еще одно средство распространения своей идеологии, которую по наивности, вслед за коммунистами, полагает единственно верной, и не понимает, что Интернет и демократия по-американски системно несовместны. Стало быть, строительство «теневого Интернета» – это «пиление сука, на котором сидишь».

Назарбаев и страны ШОС – прежде всего Китай, имеющие опыт когда-то весьма эффективной тоталитарной бюрократии, почувст-

вовав реальную угрозу привычной структуре власти, пытаются отгородиться от нее прежними методами. Такой подход обречен на провал, не только потому, что технологически это невозможно, но и потому, что уже во всех странах появилось поколение с иным форматом общения, не допускающее применения герметизирующих информацию мер.

Эти идеи непосредственно противоречат тому факту, что в список базовых прав человека⁴, регулируемый ООН, уже включены права на доступ во Всемирную сеть. В докладе ООН проводится мысль, что полноценное существование человека XXI века без использования веб-сервисов невозможно. Практическим следствием включения «права на Интернет» в список базовых прав будет ужесточение риторики международных организаций против интернет-цензуры. В самом докладе ООН, который цитирует издание *The Atlantic*, с осуждением отмечается, что ограничение сетевой активности возведено рядом стран в ранг государственной политики. Критике в этом отношении подвергаются не только авторитарные режимы, но и демократические Швеция и США. В частности, отмечается уголовное преследование основателя Wikileaks Джулиана Ассанжа.

Право на доступ в Интернет трактуется в докладе как возможность его полноценного использования, что подразумевает приравнивание ограничения на подключение к популярным ресурсам Всемирной паутины, таких как Twitter и Facebook, к нарушению базовых свобод, среди которых свобода совести и собраний.

Таковы в общих чертах современные тенденции выстраивания отношения политики, как национальной, так и международной, к интернет-пространству. К сказанному следует только добавить, что интернет-коммуникации активно используются политиками всех уровней для решения своих задач. При этом Интернет чаще всего рассматривается в качестве дополнительного средства реализации политических задач, в то время как ясно, что это уже не средство, а новая форма индивидуального, социального и политического бытия.

Речь идет прежде всего о необходимости оценки социогенности виртуальных коммуникативных структур и, как следствие, допустимости рассмотрения интернет-сообществ в качестве политических акторов, а также их отличия от политических структур оффлайна.

В этом отношении можно исходить из двух предположений.

Первое: все, что происходит в Сети, т.е. все возникающие в ней организованности, реализуют выдвинутый еще Э. Каппом принцип органопроекции. Сеть как вещь, сделанная руками человека, есть

проекция человеческих органов, точно так же, как и другие вещи: молоток, самолет, телевизор, бомба. Этот подход в интерпретации Маршалла Маклюэна, хотя он и не использует термин «органопроекция», приводит к пониманию медиа как продолжения человеческих органов чувств (модальностей). Прежде всего – зрения, слуха и осязания. Сеть, таким образом, можно рассматривать как медиа-расширение тактильной и кинестетической модальностей. Они в комбинации с органопроекцией человеческого мозга составляют достаточно жуткое существо, способное думать и осязать окружающий мир. Однако в этом существе нет ничего внечеловеческого. Следовательно, все, что происходит в Сети, есть продолжение того, что происходит во вне ее. Онлайн-социальность здесь – переведенная на язык интернет-коммуникаций оффлайн-социальность. Даже новые виды социопатий, возвращенные в Сети, всего лишь сетевая форма знакомых посюсторонних от экрана социопатий. Например: многониковость – одна из форм расслоения личности – шизофрениии, лудомания – одна из форм наркомании, и так далее. Мы найдем в Сети проявления эпилепсии, истерии, аутизма, сексуальных перверсий, короче говоря, всего того, что наблюдалось психиатрами и психологами задолго до появления Интернета. Но тогда и политика как форма регуляции социальной связности в Интернете – все та же политика вне его, только вооруженная новыми инструментами и вынужденная реализовываться в ситуации ускоряющихся процессов.

Второе предположение основано на том, что принцип органопроекции на Сеть уже не распространяется. Возрастающая сложность информационно-коммуникативных структур привела к качественно новому скачку, при котором в Сети стали образовываться структуры уже не человеческой, а иной природы. В этом случае онлайн-социальность следует рассматривать как иной вид социальности, формирующей отношения и коммуникации иного рода. Причем не исключена возможность трансляции этих отношений из Сети в обыденность и повседневность. В пользу допущения такой возможности говорит, например, культурный феномен – флешмоб. Классический флешмоб – это собрание незнакомых друг с другом людей для занятия бессмысленной деятельностью в неуместном для этого месте. Иными словами, имеет место проявление трех качеств: некоммуникации, бессмысленности и неуместности. Теоретически такое не могло бы существовать в культуре в принципе, однако существует. Флешмоб вряд ли мог существовать без Интернета и мобильной связи, то есть без Сети. В современной сгущенно-коммуникативной реальности всякое действие есть слово, а слово есть действие (перформативное высказывание, по Д. Ости-

ну), следовательно, «некоммуникация, бессмысленность и неуместность» – тоже высказывание. Но кто спикер? Очевидно, что не люди, которых собрали по Сети, и даже не инициаторы, поскольку последние ничего этим сказать не хотели. Спикером, стало быть, является сама Сеть, которая говорит нам: «Я есть. Я здесь. Я могу модифицировать поведение людей».

Впрочем, это слишком смелый вывод. Однако он заставляет задуматься о том, как сетевое общение влияет и будет влиять на нормы и ценности повседневности. То, что даже политики поняли, что Сеть сегодня – существенный фактор в политической игре, говорит само за себя. С помощью Интернета Обама, например, разорвал американский семейный политический традиционализм, а Медведев стал активно наращивать политический вес, используя видеоблог и аккаунт в ЖЖ. Политика, таким образом, вошла в Сеть, или, точнее, Сеть вошла в политику.

Здесь не представляется возможным провести детальный анализ форм социальности, генерируемой сетевым общением и виртуальными сообществами. Кроме того, возникает вопрос: годятся ли современные методы социологии, социальной психологии и политологии для решения этой задачи или нужны новые методы? Так что, может быть, и не стоит спешить с разработкой типологий и вскрытием закономерностей. Важнее другое – осознать, что эта проблема действительно назрела, причем не только в теоретическом, но и во вполне практическом ключе. И конечно же, нужно ответить на вопрос: какова природа нетсоциальности, все еще человеческая или уже нет?

Высказанные допущения имеют прямое отношение к идеологиям будущего. В самом деле, следствием признания действия органопроекции на Сеть является признание антропоцентричности, а для христианской культуры – Христоцентричности – мироздания, о котором очень точно сказал русский философ В.Н. Лосский: «... земля – духовно – центральна, потому что человек, прорываясь сквозь бесчисленное видимое, чтобы связать его с невидимым, есть существо центральное, то существо, которое объединяет в себе чувственное и сверхчувственное, и потому с большей полнотой, чем ангелы, участвует во всем строе “земли” и “неба”. *В центре вселенной бьется сердце Человека* (курсив мой. – А. К.)»⁵. Напротив, отказ от этого принципа приводит к допущению возможности постчеловеческого мира, идее сингулярного перехода цивилизации в какое-то иное машинное состояние, к фактическому отказу от истории. Речь здесь идет о новой коперниканской революции, с той лишь разницей, что вместо Солнца в центр Вселенной выдвигается оцифрованная коммуникация.

Несмотря на то что лично мне безусловно ближе позиция антропоцентризма, не могу не отметить эвристическую продуктивность и противоположного взгляда, позволяющего с новых позиций проблематизировать коммуникацию. Прежде всего, становится возможным рассматривать коммуникацию в качестве самостоятельной вещи, способной существовать без своих коммуникантов, в некотором информационно-коммуникативном универсуме. Коммуникации придается онтологический статус, чем преодолевается разрыв между метафизической и эпистемической природой коммуникативного действия. Однако онтологичность коммуникации особого рода, поскольку, оторванная от своих коммуникантов, она, по сути, является чистой потенцией, или, по выражению О. Генисаретского – «возможностью», которая реализуется только актуально (здесь и сейчас). Иными словами, коммуникация оказывается определена лишь в виртуальной реальности⁶ и, следовательно, именно в виртуалистике необходимо искать ответы на вопросы о природе сетевой социогенности.

Виртуалистика, привнесшая в науку парадигмальную идею полионтологичности реальности, на самом деле возвращает человеку его законное центральное место, поскольку требует субъекта для сборки этих реальностей, и этим субъектом может быть только человек. Этим обесмысливается и дискурс о пост-человеческом мире. Но, к сожалению, лишь в теоретическом плане, поскольку на практике искус техноцентричных цивилизационных моделей остается достаточно сильным и вполне может становиться основой господствующих идеологических и политических доктрин.

Оставаясь с этими нерешенными вопросами, тем не менее уже сейчас можно сделать вывод о том, что в политике, как национальной, так и международной, интернет-фактор становится все более ощутимым. Можно говорить о выходе на политическую арену нового политического актора, качественно отличающегося от действующих ранее.

Действительно, если рассматривать политику в целом как регуляцию совместности различных социальных групп, то возникает необходимость различения субъектов этой регуляции, политических акторов. Причем под термином «регуляция» подразумевается не столько управление, сколько воздействие как в направлении структурирования совместности, так и в прямо противоположном – разрушении устоявшихся форм общественных отношений и коммуникаций. Это обстоятельство оправдывает рассмотрение политического действия с позиции коммуникативных наук. Речь идет о воздействии, результатом которого становятся изменения в

системе социальных коммуникаций. Ясно, что структура, свойственная политическому актору, будет стремиться разворачиваться во внешнюю социальную среду. Политическое действие, таким образом, – это не что иное, как трансляция системных свойств актора в социум, и насаждение в нем родственных себе моральных и нравственных норм, ценностей, эпистем.

Будем различать политических акторов, а точнее, их структурные свойства с помощью конструкторов: вертикальные–горизонтальные⁷ и открытые–закрытые.

Закрытые вертикальные политические акторы появились в момент формирования политической власти в патриархальном обществе. Классическим примером могут служить наследственные монархии, при которых социальный статус человека непосредственно зависел от близости к правящей элите.

Почти одновременно внутри системы власти возникли закрытые горизонтальные структуры, т.е. всякого рода тайные общества, цеховые союзы, масонские общества, рыцарские ордена, религиозные секты, магические школы. Этим организованным был свойствен эзотеризм, который, собственно, и позволял их адептам буквально пронизывать систему управления государствами и влиять на политику. Отличие закрытых вертикальных и горизонтальных политических организаций состояло в том, что в вертикальных структурах социальный статус был зависим от места в управляющей иерархии, а в горизонтальных – нет. Политическое действие в них осуществлялось в тени, за кулисами представления.

С развитием демократических институтов стали формироваться вертикальные открытые структуры, создающие управляющие иерархии со свойством обратной связи и допускающие множественность социальных лифтов.

Явлением XXI века можно считать актуализацию в качестве политической силы открытых горизонтальных структур, т.е. социальных сетей, сгенерированных современными коммуникативными технологиями.

Перечисленные выше политические акторы находятся в системном противоречии друг к другу, что и приводит к сменам систем управления, т.е. к революциям. Не умаляя экономических причин социальных потрясений, следует все-таки обратить внимание политологов на коммуникативные факторы, которые иногда в истории оказывались определяющими. Появление четвертой политической силы – открытой и горизонтальной, ризоморфной и синергийной – знак будущих глобальных цивилизационных трансформаций.

- ¹ О «Ризоме» см.: *Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1987.
- ² См.: U.S. Underwrites Internet Detour Around Censors // *The New York Times*, 2011. 12.06.
- ³ См.: Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- ⁴ См.: URL: <http://www.km.ru/v-mire/2011/06/07/oon/dostup-v-internet-pri-ravnyali-k-bazovym-pravam-cheloveka>
- ⁵ *Лосский В.Н.* Догматическое богословие. М., 1991, С. 234–235.
- ⁶ См.: *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15.)
- ⁷ Из последних работ на русском языке, вскрывающих сущность вертикальных и горизонтальных связей в политических структурах, отметим: *Дюверже М.* Политические партии: Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000. (Серия Концепции.)